

Пойдёт ли он за мной? Стоит ли встречаться с ним? Кан Чжэ прислонился к ограде школы, закурил, но так и не сделал ни одной затяжки. Сигарета безвольно висела в его руке, пока он молча наблюдал, как пепел падает на землю.

Прошло больше года, а он, кажется, ничуть не повзрослел. Совсем не выглядит таким умным, каким пытается казаться. Кан Чжэ растёр ногой упавший пепел. Белая зола смешалась с пылью, превратившись в грязное пятно. Глядя на размазанный по земле пепел, Кан Чжэ усмехнулся собственной раздражительности. Уголки его губ непроизвольно дрогнули в подобии улыбки, но тут же снова вытянулись в ровную линию.

Кан Чжэ пришёл к школе за целых два часа до окончания занятий. И лишь за десять минут до звонка наконец увидел Тан Юйхуэя — тот неспешно брёл по дороге, но, не дойдя двухсот метров, вдруг замер на месте. Выглядело это комично: он сделал два-три шага вперёд, потом словно опомнился, замер, отступил назад и, будто потеряв душу, шарахнулся в сторону, спрятавшись за дерево.

Теперь он был похож не на барашка, а скорее на кролика. Кан Чжэ мельком взглянул в его сторону и тут же отвёл глаза. Его пальцы нервно барабанили по предплечью, взгляд блуждал в поисках точки опоры и в конце концов остановился на флаге, развевающемся над школьным двором. На высокогорье всегда дул сильный ветер. Кан Чжэ помнил, что этот алый стяг никогда не был неподвижен, как и постоянно развевающиеся на ветру молитвенные флаги. Знамя всегда восторженно расправляло свои крылья посреди бескрайней равнины.

Вскоре из школы вышел сяо Цзя. Сегодня был выходной, ему нужно было спустить флаг, чтобы вновь поднять его в понедельник. Кан Чжэ не предупредил, что заедет за ним, поэтому терпеливо дождался, пока мальчик закончит свои дела. Когда сяо Цзя с удивлением направился к нему, у Кан Чжэ больше не осталось причин откладывать отъезд. Он бросил взгляд на дерево, за которым пряталось самое глупое животное на свете, повесил рюкзак сяо Цзя на руль мотоцикла и уехал.

— А-Чжэ-гэгэ, почему ты сегодня вдруг решил меня забрать? — спросил сяо Цзя, сидя сзади. Он не смел обхватить Кан Чжэ за талию, а тот гнал быстрее обычного, поэтому сяо Цзя с искажённым от напряжения лицом с трудом держался за сиденье.

Кан Чжэ промолчал. Сяо Цзя не придавал этому значения, огромным счастьем было то, что ему не пришлось трястись в грузовике по дороге домой. У гостевого дома сяо Цзя ловко спрыгнул с мотоцикла, аккуратно снял свой рюкзак и закинул его за плечи.

— А-Чжэ-гэгэ, дядя и тётя уже вернулись?

Вопрос был вполне уместным, но ответа снова не последовало. Сяо Цзя недоумённо обернулся и увидел, что Кан Чжэ всё ещё сидит на мотоцикле, не выпуская руль из рук.

— А-Чжэ-гэгэ? — растерянно позвал сяо Цзя.

Кан Чжэ поднял опущенные веки, словно только сейчас услышал его слова:

— Родители сегодня не приедут. Я приготовил тебе еду, оставил в кастрюле. Если остынет — разогрей.

Кан Чжэ снова надел шлем, завёл мотоцикл и сквозь шум ветра и шлема неразборчиво произнёс:

— Мне нужно кое-куда съездить, по делам. Не жди меня вечером.

Ночной холодный ветер резал кожу словно металл. Кан Чжэ ехал на мотоцикле и рассеянно думал:

— Не может быть, чтобы он был настолько глуп. Наверное, я слишком много думаю.

Обычный путь до школы занял вдвое меньше времени. Заметив вдали школьные ворота, Кан Чжэ заглушил двигатель и подошёл пешком, пробираясь в темноте к тому самому дереву, за которым днём прятался Тан Юйхуэй. К счастью, его там уже не было.

Кан Чжэ постоял немного на месте, снова усмехаясь своим бессмысленным действиям.

Прислонившись к дереву, он закурил, но, не докурив, раздавил сигарету о землю. Возвращаясь к трассе, он сделал несколько шагов и вдруг замер, взглянув на школьные ворота.

В кромешной тьме Тан Юйхуэй, запрокинув голову, сидел на корточках у обшарпанных ворот — без вещей, без цели. Скорее всего смотрел на звёзды. В тот момент, когда Кан Чжэ увидел эту сцену, он не мог понять, что чувствует. Ему было искренне непонятно и смешно — небо одно на всех, звёзды видны отовсюду. Лишь Тан Юйхуэй мог превратить эти заурядные вещи в центр своей вселенной.

Кан Чжэ хотел как обычно отмахнуться или даже высмеять его, но невинный и трогательный звёздный свет впервые проник в его душу. Какая-то тонкая нить причиняла боль, сдавливала грудь, заставляя осознать: кроме физической, существует и другая форма страдания.

Он хотел подойти к Тан Юйхуэю и сказать ему, чтобы тот ушел, или спросить, на что он вообще там смотрит. Но Кан Чжэ не сделал ничего. Он, не затягиваясь, курил одну сигарету за другой, позволяя им бессмысленно гореть и пеплом падать на землю.

Лишь когда Тан Юйхуэй наконец поднялся, Кан Чжэ вышел из тени дерева и на расстоянии последовал за ним, пока тот не зашёл в первую попавшуюся гостиницу. Выждав и убедившись, что тот не выйдет, Кан Чжэ ушёл.

Возвращаясь, Кан Чжэ бесцельно брёл под знакомым, виденным им тысячи раз звёздным небом. Он тоже, следуя общепринятому ритуалу, поднял голову и посмотрел на небо, наконец немного поняв Тан Юйхуэя.

Хотя эти звёзды не были чем-то особенным, но когда на них смотрели, казалось, что они пристально смотрят в ответ. Это было и впрямь красиво и, пожалуй, по-настоящему завораживало.

Но Кан Чжэ подумал: «Эти мерцающие огоньки, эти небесные маяки, эти камни, светящиеся миллионы лет, которым люди давали красивые имена — без любви в глазах смотрящего они просто моргают, словно подавая сигнал SOS». Стоило ему поднять глаза — и все они разом потухли.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130201>